

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-192-198>

**ЗАМЕЧАНИЯ КРИМИНАЛИСТА
В СВЯЗИ С ОПУБЛИКОВАНИЕМ МОНОГРАФИИ Д. А. ШЕСТАКОВА
«ПОСТЛИБЕРАЛЬНОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ»
(СПБ. : АЛЬФА-ПРЕСС, 2023. 230 с.)**

Юлия Николаевна Наумова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

naumyn73@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется проблема значения *криминалистического* аспекта в определении содержания и структуры преступности в связи с «умалчиванием» ее в книге Д. А. Шестакова «Постлиберальное противодействие преступности» (СПб. : Альфа-Пресс, 2023. 230 с.). Работа отличается своей научной актуальностью и новизной к подходу обозначенной автором проблемы и заслуживает высокой оценки. Однако исключение криминалистических начал из содержания комплекса проблем, связанных с определением преступности, представляется автору достаточно дискуссионным, что он и пытается доказать в своих «заметках».

Ключевые слова: уголовный закон; уголовно-процессуальный закон; криминология; преступноведение; криминалистика.

Для цитирования: Наумова Ю. Н. Замечания криминалиста в связи с опубликованием монографии Д. А. Шестакова «Постлиберальное противодействие преступности» (СПб. : Альфа-Пресс, 2023. 230 с.) // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 1. С. 192–198. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-192-198>

Research Article

**CRIMINOLOGIST'S REMARKS IN CONNECTION
WITH THE PUBLICATION OF D. A. SHESTAKOV'S MONOGRAPH
"POSTLIBERAL CRIME PREVENTION" (ST. PETERSBURG:
ALFA-PRESS, 2023. 230 p.)**

Yulia N. Naumova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
naumyn73@mail.ru

Abstract

The article analyzes the problem of the importance of the criminalistic aspect in determining the content and structure of crime due to its "silence" in D. A. Shestakov's book "Postliberal Crime Prevention" (St. Petersburg: Alfa-Press, 2023. 230 p.). The work is distinguished by its scientific relevance and novelty to the approach of the problem identified by the author and it deserves high praise. However, the exclusion of criminalistic principles from the content of the complex of problems related to the definition of crime seems to the author to be quite controversial, which he tries to prove in his "notes".

Keywords: criminal law; criminal procedure law; criminology; crime introduction; forensic science.

For citation: *Naumova Yu. N. Criminologist's Remarks in Connection with the Publication of D. A. Shestakov's Monograph "Postliberal Crime Prevention" (St. Petersburg: Alfa-Press, 2023. 230 p.). Herald of the Russian Law Academy, 2025, no. 1, pp. 192–198. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2025-0-1-192-198>

Автор «замечаний» сразу же предупреждает читателей, что его статья не является рецензией на книгу Д. А. Шестакова и даже не претендует на это. По одной причине. Он по своей научной отраслевой правовой специальности не криминолог, а криминалист. Книга же, послужившая поводом для публичного отклика на нее, – *криминологическая*. А криминология, как известно, – это наука о состоянии, динамике и причинах преступности, мерах ее предупреждения. Криминалистика же есть наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о нем, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и средствах и методах расследования преступлений [1, с. 682].

Но есть ли какое-то «пересечение» сфер регулирования и влияния между этими, казалось бы, различными понятиями (криминалистики и криминологии), отражающими их отраслевые особенности? Если исходить из содержания монографии Д. А. Шестакова как безусловно *криминологической* (автор, как и в прежних своих работах, вводит в научный оборот понятие «преступноведение», являющееся стержневым при описании всего, что для него связано с преступностью), тем не менее признается, что термин «преступноведение» и «криминология» для него равнозначны. Понятие же «криминалистика» автор названного труда даже не упоминает. Последнее, кстати, является обычным для криминологической науки. Что обусловлено специфическим различием понятия особенностей как предмета, так и метода этих отраслевых правовых наук. Никто, конечно, и автор данной статьи в том числе, не возьмется оспаривать имеющиеся между последними принципиальные различия, однако выстраивая между ними определенный «барьер», мы, во-первых, упрощаем их диалектическую взаимосвязь, а, во-вторых, не принимаем во внимание серьезное именно *криминалистическое влияние* на успешное достижение *криминологических* задач, за которыми вплотную «стоят» и процессуальные и уголовно-правовые задачи. То есть, не воспринимая этого, мы тем самым и «обедняем» задачи криминологии и получается, что при этом результаты успешного раскрытия преступления, не зависят от достижения известных задач правосудия и защиты интересов государства, общества и человека от преступления и преступности. И в этом случае намеченные «точки соприкосновения» между криминалистикой и криминологией станут отчетливо видимы. И предельно конкретно их обозначить и является главной задачей автора статьи.

Тем не менее, прежде чем «открыть» (или раскрыть) их, скажем главное. Указанный недостаток рецензируемой (только в этом плане) работе есть частный момент в оценке ее в целом научной и практической значимости. Книга о преступноведении представляет собой содержательный и оригинальный труд, посвященный недостаточно исследуемой в юридической науке проблеме и интересными предложениями о возможных путях ее решения. Она предполагает для правовой доктрины *новые* подходы к решению традиционных криминологических (и неизбежно уголовно-правовых) основ учения о преступлении и преступности. Ее автор, Дмитрий Анатольевич Шестаков, еще раз подтвердил созданием данного теоретического труда, что он является основоположником оригинальной санкт-петербургской школы криминологов, исповедующих по настоящему новые и нетрадиционные подходы к решению вполне традиционных (в историко-доктринальном аспекте) задач. Нам же наиболее важным является то, что в основу своих теоретических исследований автор положил и сформулировал свою же позицию объяснения *причин* создавшихся *новых* геополитических условий. Последние заключаются в противодействии официального Запада России, уже не только (как прежде) санкционного, но и по настоящему военного (НАТО с привлечением наемников и крупнейших европейских стран) вмешательства в происходящие события на Украине, а теперь уже и на территории Российской Федерации, отстаивавшей свою независимость и суверенитет. И бесспорной заслугой автора является теоретическое обоснование того, как официальный Запад пришел к нынешней откровенно «русофобской»

идеологии. И что открыто выраженное его стремление – «воевать до победного» в войне с Россией является просто-напросто бессмысленным и обречено на «провал». Именно так выразился Министр иностранных дел РФ С. Лавров, выступая на Генассамблее ООН (см.: Московский комсомолец. 20 сентября 2024 г.)

Теперь о содержательно-главном – о значении учета *криминалистических* факторов для определения понятия преступности и ее содержания и структуры (как основного криминологического и уголовно-правового понятия). Таковых существует несколько. Во-первых, это понятие криминалистической характеристики преступления и ее соотношения с понятиями состава преступления и предмета доказывания в уголовном процессе. Доктринальная формулировка понятия криминалистической характеристики преступления и его практическое применение имеют непростую историю, подробно исследованную Р. С. Белкиным [2, с. 183–193, 561–567]. В итоге он дал следующее определение криминалистической характеристики отдельного вида преступлений: она, должна включать характеристику исходной информации, системы данных о способе совершения и сокрытия преступления и типичных последствиях его применения, личности вероятного преступника и вероятных мотивах и целях преступления, личности вероятной жертвы преступления, о некоторых обстоятельствах совершения преступления (место, время, обстановка) ... все эти элементы составляют систему, т.е. связаны друг с другом [2, с. 359]. Следует отметить, что дискуссии по определению понятия криминалистической характеристики преступления и отнесению к ней соответствующих образующих ее элементов продолжались много лет [3, с. 211] (а, например, в учебниках криминалистики продолжают и до сих пор). Причина указанных дискуссионных разночтений состоит, на наш взгляд, в различном понимании соотношения уголовно-правовой (криминологической), уголовно-процессуальной (предмет доказывания) и криминалистической характеристик преступления. И основная составляющая отличающихся по своему содержанию взглядов касательно этого вопроса – это попытка отделить «чисто» криминалистическое содержание обсуждаемой характеристики от уголовно-правовой (криминологической) и уголовно-процессуальной. Вряд ли такое возможно в качестве общего принципа. И все же элемент уголовно-правовой и криминологической характеристик преступления (например, способ совершения преступления как признак его объективной стороны) если и не совпадает, то хотя бы «пересекается» с элементом криминалистической характеристики и механизмом его совершения как предметом криминалистической науки. Так, для уголовно-правовой квалификации, например, кражи характеристика способа совершения означает, что это преступление осуществляется тайно и именно это отличает от его грабежа. Криминалистику в этом случае более всего интересует другое: конкретизация тайного способа кражи, связанная с обнаружением следов преступления (взлом замка входной двери квартиры, где совершена кража, подбор и изготовление с этой целью ключа, обнаружение при этом следов пластилина на ключе при изготовлении с него слепка и т.д.). Все это сугубо технические детали, сами по себе они не имеют самостоятельного уголовно-правового (и криминологического) значения, но тем не менее они влияют и на квалификацию преступления (кража или грабеж) и *структуру преступности* как

криминологического признака преступности. Таким образом, налицо определенное *совпадение* элементов уголовно-правовой (криминологической) и *криминалистической* характеристик преступления и преступности [4, с. 22–24]. То есть и в рассматриваемом ракурсе исключение особенностей криминалистической характеристики преступлений значительно «обедняет» уголовно-правовую и криминологическую структуру преступности (а значит, и структуру обозначенного Д. А. Шестаковым «преступностиведения»).

Вряд ли следует признать справедливым и мнение о «несовместимости» элементов криминалистической характеристики через механизм раскрытия и расследования преступления и предмета доказывания как обстоятельств, подлежащих исследованию [3, с. 107]. На самом деле и в этих случаях трудно доказать «автономность» (и независимость друг от друга) многих элементов криминалистической, уголовно-правовой и уголовно-процессуальной характеристик преступления. Очевидно, что обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ), и элементы, и признаки состава преступления как уголовно-правовой характеристики в значительной степени *совпадают*. В принципе ни один из них не противоречит отнесению его к элементам криминалистической характеристики. С другой стороны (как и при характеристике предыдущих аспектов сравнения), специфика механизма расследования предполагает, что криминалистическая характеристика преступления (а в данном случае криминалистическая характеристика обстоятельств подлежащих установлению) конкретизирует и дополняет перечень указанных обстоятельств. И с криминалистической помощью («подсказкой» таковых) более точно будет решен и криминологический вопрос о структуре преступности.

Существует еще один аспект оценки значения *криминалистических* особенностей (криминалистической характеристики) преступления, оставленной без внимания в монографии Д. А. Шестакова. Это вопрос о значении «ведомственной» судебной экспертизы, что связано в первую очередь со спецификой *подследственности* при предварительном расследовании уголовных дел. Как известно, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (ст. 151 УПК РФ) подследственность распределена по трем ведомствам: СК, ФСБ и МВД России. В каждом из следственных подразделений этих органов осуществляется своя, а значит «ведомственная» экспертиза с наличием своих ведомственных же научных центров. Это можно признать даже «плюсом», так как, несомненно, способствует как качественному, так, и в особенности, – *своевременному расследованию преступлений*. Применительно, однако, к *судебному рассмотрению* уже расследованных уголовных дел указанная положительная категорическая оценка не всегда будет *корректной* по следующей причине. Известно, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством процесс (уголовный) у нас (в Российской Федерации) *состязательный*. Согласно ст. 15 УПК РФ «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган», а «суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты». Но получается, что при расследовании преступления следствие в качестве *доказательства* (нередко самого *основного*) по делу использует заключение экспертизы, осуществляемой «своим»

ведомством, – СК РФ, МВД РФ, ФСБ РФ. И в этом, как уже отмечалось, исходя из задач расследования, ничего отрицательного нет. Совсем другое «звучание» такой ведомственной экспертизы имеет место, когда ее результаты кладутся в *основу обвинительного приговора*. Очевидно, что при этом в «пирамиде» *состязательности* нарушается принцип уголовного процесса, такой как принцип *независимости суда от позиции обвинения*. То есть не все здесь выглядит «благостно, в особенности, как это показывает изучение практики уголовного судопроизводства с использованием ведомственной судебной экспертизы для вынесения судом обвинительного приговора [5, с. 94–99; 6, с. 310–311].

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Избранные труды. М. : НОРМА, 2010.
2. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики : в 3 т. Т. 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Изд-во Академии МВД СССР, 1979.
3. Коршунова О. Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006.
4. Наумова Ю. Н. Особенности расследования преступлений, предусмотренных международными договорами Российской Федерации : учебное пособие. М. : РПА Минюста России, 2014.
5. Наумова Ю. Н. Соотношение ведомственной и вневедомственной судебной экспертизы для расследования и судебного рассмотрения уголовных дел (нравственный аспект) // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 4.
6. Меркачева Е. М. «Странная» смерть, дела и быт в российских тюрьмах. М. : Книжный мир, 2021.

References

1. Belkin R. S. Selected Works. Moscow: Norma, 2010. (In Russ.)
2. Belkin R. S. Course of Soviet Criminalistics. In 3 vols. Vol. 3: Criminalistic Tools, Techniques and Recommendations. Moscow: USSR Ministry of Internal Affairs Academy Publishing House, 1979. (In Russ.)
3. Korshunova O. N. Extremist Crimes: Theory and Practice of Counteraction. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2006. (In Russ.)
4. Naumova Iu. N. Features of Investigation of Crimes Provided for by International Treaties of the Russian Federation: Textbook. Moscow: RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2014. (In Russ.)
5. Naumova Iu. N. Correlation of Departmental and Non-Departmental Forensic Expertise for Investigation and Trial of Criminal Cases (Moral Aspect). *Union of Criminalists and Criminologists*, 2022, no. 4. (In Russ.)
6. Merkacheva E. M. "Strange" Death, Affairs and Life in Russian Prisons. Moscow: Knizhnyi mir, 2021. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ю. Н. Наумова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Yu. N. Naumova – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 09.12.2024; принята к публикации 04.02.2025.

The article was submitted to the editorial office 05.11.2024; approved after reviewing 09.12.2024; accepted for publication 04.02.2025.